Николай МАЛЫХ

Горы, это навсегда

Николай Малых — горный турист, фотограф, путешественник... Представление этого человека можно продолжить и далее... Сложно вообразить, что Николай живёт в реальном времени, и в сутках, как и у всех, у него 24 часа.
Наверное, он какой-то особенный, раз успевает всему этому отдаваться с таким вдохновением. Оказалось, что самый обычный человек...
Родился он на окраине города Кирова, что на берегу реки Вятки. Но в семье творческой, наверное, сей факт и определил дальнейшую судьбу героя журнала АВАНСЦЕНА, точнее, тому поспособствовал.
Итак, про горы, путешествия и творчество в беседе с Николаем Малых.

«В конечном итоге окончил физфак в институте имени Герцена. Уже тогда более или менее определился со своими желаниями. Поскольку институт педагогический, а у нас было распределение, то меня направили в школу в Приозерском районе, где проработал 11 месяцев и отправился учиться в аспирантуру — в Физико-технический институт»

«Человек, который принял горы, и которого горы приняли, уже не может жить без них. Это уже навсегда»

Моя мама — Валентина Михайловна, была художницей, занималась росписью матрёшек.
А папа — Василий Васильевич, вытачивал этих матрёшек. Это достаточно тяжёлая работа, как следствие — так называемая виброболезнь. В медицине это называют артрит. Потом он уволился и работал на военном заводе, сопровождал грузы.

Николай Васильевич, предприятие по изготовлению матрёшек сохранилось?
Да, конечно. Я там даже немножко поработал в своё время. Правда, если раньше каждую матрёшку вытачивали руками — то сегодня это практически полностью делают автоматические станки, роспись тоже стала штамповкой. И нет уже той красоты и душевности, которая присутствовала, когда её изготавливали вручную. Теперь это называется ООО «Сувенир». Но тем не менее предприятие не потеряло своё международное влияние.

Куда отправились поступать после окончания школы?
В Ленинградский университет имени Жданова — на матмех.

Но ведь этот факультет, в моём понимании, очень далёк от творчества?
В последние школьные годы в моей голове был раздрай: математика, физика… Интересно было и то, и другое. В силу обстоятельств и собственного разгильдяйства я на физфак документы подать не успел. Если на всех факультетах экзамены начинались с 1 августа, то на физическом — с начала июля. А я в то время как раз был в походе с одноклассниками.
Вот и поступил на матмех. Но учиться не сложилось по целому ряду причин. Я самоисключился, уехал в Москву, полгода жил в столице. Потом вернулся в Киров, какое-то время провёл там, делая вид, что я учусь в местном Политехническом институте. Я туда поступил, но на лекциях не был ни разу. В результате понял, что скучаю по Ленинграду, всё бросил и вернулся. Ленинград такой город — либо принимает, и от него уже никуда не уйти, либо не принимает. Других вариантов нет.
В конечном итоге окончил физфак в институте имени Герцена. Уже тогда более или менее определился со своими желаниями. Поскольку институт педагогический, а у нас было распределение, то меня направили в школу в Приозерском районе, где проработал 11 месяцев и отправился учиться в аспирантуру — в Физико-технический институт. Окончил аспирантуру, но не защитился.

Почему?
К тому времени я уже был безнадёжно болен горами. Поэтому причин было две: мой руководитель считал, что совмещать горы и науку никак нельзя, и мой неуживчивый характер. Я был с руководителем не согласен и пытался совмещать несовместимое. Кончилось тем, что стараниями своего бывшего руководителя я после аспирантуры некоторое время не мог никуда устроиться на работу. Он приложил очень много усилий. Тем не менее меня взяли в Институт метрологии по тому же направлению, которым я занимался в аспирантуре. Там я написал ещё одну диссертацию. Но к тому моменту, когда надо было защищаться, меня позвали работать на кафедру, где я учился. Я всё это бросил и ушёл работать туда.
Но мне всегда кроме физики была интересна ещё и электроника. Это был уже конец 1980-х годов, когда начали появляться компьютеры. Мне стало любопытно, я в это дело вник и перестроился на компьютерные сети. И примерно с 1988 года я этим и занимаюсь. У меня нет никакого образования, связанного с компьютерами, с сетями. Но так получилось, что я в этой сфере довольно много значу и в России, и за её пределами.

Что именно Вы делаете?
Сначала просто строил сети, потом занимался протоколами, разработкой стандартов, в том числе международных.

То есть Вы программист?
Нет, я, скорее, системный архитектор. Это общий подход к построению сетевых и компьютерных систем: от огромного количества компьютеров до микросхем в сетевых устройствах. Это очень сложно для понимания. Когда меня спрашивают, чем я занимаюсь, я говорю: «Связью». Это проще.
Так получилось, что на двух предыдущих местах работы я занимался в основном созданием сетей государственных, прежде всего, силовых структур — армия, МВД, ФСБ, МЧС, ещё немного ФНС (Федеральная налоговая служба).
Был период в конце 1990-х годов, когда я едва не покинул Россию. Не с мыслью уехать и обрезать, а просто предложили в Сингапуре работу, которую получить здесь я не надеялся никогда. И я согласился отправиться туда со всей своей небольшой компанией. Нам уже квартиру купили в Сингапуре. Но это был 1998 год, и там произошёл финансовый кризис раньше нашего на несколько месяцев. В результате мы никуда не уехали, остались здесь. А сейчас я работаю в компании, которая занимается производством сетевого оборудования. Компания московская, я сижу дома, работаю головой.

Николай Васильевич, давайте поговорим про горы, как они вошли в Вашу жизнь?
Давно, ещё в период учёбы в институте.
Путешествия меня всегда привлекали, но я вполне обходился окрестностями, равниной. Однажды один из моих институтских товарищей попросил меня передать верёвку для гор своему знакомому. Я её отвез, встретился с людьми, мне стало интересно, и через месяц я пошёл с ними в поход на Кавказ. Человек, который принял горы, и которого горы приняли, уже не может жить без них. Это уже навсегда.

Что для Вас было самым удивительным, самым сложным, когда Вы оказались первый раз в горах?
Всё было интересно, красиво, иногда тяжело, конечно. Жарища, солнце палит, и высоченные заросли

«В результате мы никуда не уехали, остались здесь. А сейчас я работаю в компании, которая занимается производством сетевого оборудования. Компания московская, я сижу дома, работаю головой»

«Горы — это сумасшедшие красоты. Такого нигде не увидишь. И они всякий раз разные. Можно прийти в одно и то же место с разницей в несколько дней — и оно будет другим»

«Там я впервые увидел очень интересный бизнес: передвижные пасеки. Берётся тракторная тележка, на неё ставятся ульи, и по сезону — а в горах сезон цветения очень долгий — они просто перетаскивают эту тележку. Неделю постояли в одном месте, неделю в другом месте»

«Где-то в 2000-е годы один их моих давних друзей, будучи кандидатом наук, имея бизнес, всё оставил и отправился работать водителем в Антарктиду. Не в экспедицию, а на сезон, довести грузы с «Прогресса» до «Востока» и обратно»

багульника. На Кавказе их называют рододендрон, это разные виды одного растения. Мне там реально стало физически плохо, хотя мы шли вниз. Я в первый раз с этим столкнулся: делаешь два-три шага и понимаешь, что у тебя дыхания нет, сердце не работает, надо останавливаться, приходить в норму. Это тянулось минут 20. Больше не было никогда, даже на большой высоте. Я поднимался выше 7000 метров. Горы — это сумасшедшие красоты. Такого нигде не увидишь. И они всякий раз разные. Можно прийти в одно и то же место с разницей в несколько дней — и оно будет другим.

Зачем приходить в одно и то же место? Ведь так много новых, не менее красивых?

Например, потому что всё на себе не унести за один подъём. Если поход тянется месяц, то это просто физически невозможно. Поэтому заранее специально приезжаем, делимся на маленькие группы, заносим куда-то продукты, топливо. И в эти места приходится возвращаться. И всегда, в любом горном районе есть какие-то точки, где маршруты пересекаются в определенных долинах. Ты идёшь одним маршрутом и идёшь другим маршрутом, но попадаешь в одну и ту же точку. Поэтому многие места видели много раз.

Из советских практически все: Кавказ, Тян-Шань, Памир, Алтай... Из заграничных — Альпы французские, итальянские, австрийские, Гималаи, Каракорум, Скандинавия, Антарктида...

Какие из них произвели на Вас большее впечатление?

Они все хороши, но я больше всего люблю Тянь-Шань.

Мне там очень комфортно. Есть такой район, который называется Киргизский хребет. Когда мы в первый раз туда пришли, он был практически не изучен, отсутствовали карты. В Киргизии жил такой альпинист — Боривой Рудольфович Маречек. Он чех, потомок тех чехов, которые остались там после гражданской войны. Замечательный человек, всю жизнь прожил во Фрунзе. Как-то я к нему приехал, говорю: «Боривой Рудольфович, расскажи про Киргизский хребет». А он мне: «Я не помню, почти 30 лет назад было. Что смогу, нарисую». Вот мы ходили по его так называемой карте, которую он нарисовал. Я путешествовал там на протяжении десяти лет. Мы сделали несколько десятков первопрохождений, то есть прошли места, куда никто никогда не ходил.

А высота какая?

Хребет невысокий. Там максимум 4800 метров в этом районе, но технически очень сложный. Весьма обитаемый. В долинах, когда на травку спускаешься, можно встретить чабанов, пчеловодов. Там я впервые увидел очень интересный бизнес: передвижные пасеки. Берётся тракторная тележка, на неё ставятся ульи, и по сезону — а в горах сезон цветения очень долгий — они просто перетаскивают эту тележку. Неделю постояли в одном месте, неделю в другом месте. Не во всех долинах можно проехать. В некоторых были сквозные дороги через перевалы. И сейчас есть.

Николай Васильевич, горы — это всегда опасность. Вам приходилось участвовать в спасательных работах?

Много раз приходилось, когда кто-нибудь ломался или, хуже того, когда люди гибли, надо было вытаскивать.

Гибли потому, что они были плохо подготовлены?

Чаще из-за непогоды. Один случай помню на Кавказе. Банальная ситуация. Мы шли, а за нами с интервалом часов в шесть — команда из Ростова. Мы подходим к перевалу, а там такой неоднозначный спуск. Можно идти по снегу — это очень тяжело, а можно попытаться спуститься по скалам. Мы уже были внизу, встречаем там команду из Уфы, которая идёт в обратном направлении. «Вы как шли?» — «По снегу». — «Ну и дураки».

Дураки и дураки. Мы уходим. Уфимцы остановились под перевалом ночевать. Ростовчане остались на другой стороне. Утром ростовчане тоже встречают товарищей из Уфы, и те их убеждают спускаться по скалам. Привязали верёвку за здоровенную каменную балду, три человека благополучно достигли нужной точки, а на четвёртом эта штука свалилась вместе с парнем, привязанным к верёвке. Он летел довольно долго. Мы, к счастью, уйти не успели. К тому же там ещё находилось несколько наших команд. Всё это называлось «Большие городские сборы». По радиостанции всех собрали. Ростовчане были от завода «Ростсельмаш». Они сообщили на своё предприятие о случившемся, и те прямо туда — в горы прислали вертолёт. Парня быстро доставили в Ростов на операционный стол. На следующий год он уже в горы пошёл. Видать в рубашке родился.

Бывали случаи, когда люди просто терялись, искать их приходилось. Кого-то находили, кого-то не находили.

В 1990 году на Памире пропала целая команда. Примерно половину из них я хорошо знал, с кем-то вместе работал, кто-то со мной в горы ходил. Просто исчезли, никаких следов не нашли — вся страна участвовала в поисках. Это был очень тяжёлый год. Тогда погибла команда ленинградского «Буревестника» под пиком Ленина. На лагерь, в котором они ночевали, неожиданно свалилась снежная лавина. Есть такое место, «Сковородка» называется. Там всегда ставят палатки. Когда сходит мокрая лавина — это процесс из термодинамики, когда она останавливается, то мгновенно замерзает. То есть рыхлый снег превращается в лёд. Никого не смогли найти. Это было в 1990 году, а в 2012 году, через 22 года ледник вынес их на поверхность, киргизы похоронили ребят.

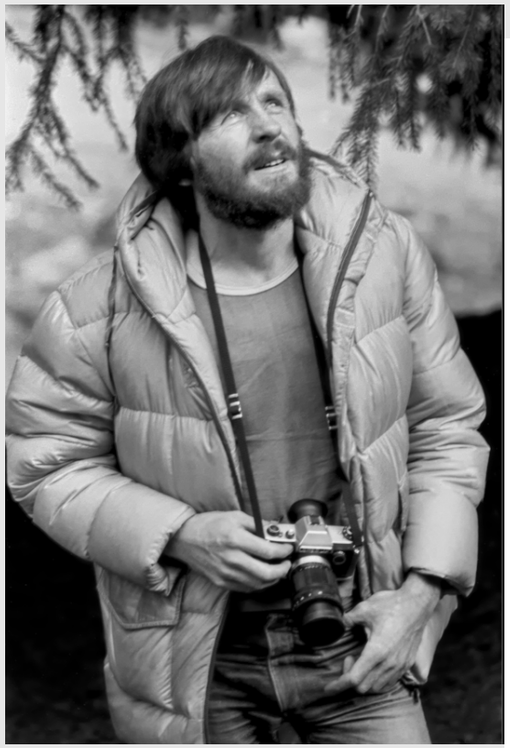
Почему, несмотря на опасности, людей так притягивают горы?

Это очень красиво.

Хотя некоторые утверждают, что это преодоление себя. Но лично мне как-то не приходилось сильно преодолевать. Действительно, иногда

«В советские времена на достаточно высоком уровне можно было поехать на какие-нибудь сборы, спорткомитет официально освобождал. У меня рекорд — в 1986 году я уехал в горы в 20-х числах апреля, а вернулся в конце октября»

«Туры антарктические доступны уже много лет. Раньше надо было добраться до Чили, нанять какой-нибудь местный кораблик. Это всегда было сложно. Сейчас это большие, шикарные, комфортабельные круизные лайнеры»



бывает очень сложно. Взгромоздил на себя тяжеленный рюкзак, и надо лезть или идти вверх. Вверх — тяжело, вниз — опасно.

Как получалось совмещать с трудовой деятельностью, с работы отпускали?

В советские времена на достаточно высоком уровне можно было поехать на какие-нибудь сборы, спорткомитет официально освобождал. У меня рекорд — в 1986 году я уехал в горы в 20-х числах апреля, а вернулся в конце октября. Пришёл на работу — тогда в метрологии работал — мой шеф на меня посмотрел и сказал: «Коля, тебе надо отдохнуть после отпуска». И отправил меня на месяц в командировку в Крым. Моя задача заключалась в том, что я два раза в неделю приезжал на завод и смотрел, что у них там происходит. А так шикарно — я утром встал, на троллейбус и в Ялту. Я жил в Симферополе. Но его фраза «отдохнуть после отпуска»… Причём всё летнее время я находился в официальном отпуске.

Фотография как случилась в Вашей жизни?

Я сейчас даже не могу вспомнить, это была моя инициатива или мамина. Лет в 12 родители подарили мне фотоаппарат «Чайка». Я начал фотографировать, меня это увлекло, но снимал не очень много и с большими перерывами.
А вот когда начал активно ходить в горы, снимать стал значительно больше. Что наложило очень тяжёлый отпечаток, от которого не избавиться до сих пор. Ведь это по сути документальная съёмка — ты не ищешь кадр, а снимаешь всё подряд, чтобы остались следы. Понятно, когда видишь что-то интересное, ты начинаешь выстраивать кадр, но в походе на это времени почти не остаётся. Только вечером или когда делали перерыв на обед. Но для остановки выбирают место не с точки зрения моей съёмки, чтобы фотографии красивыми получились, а чтобы поесть было удобно.
Потом была довольно большая пауза, когда в горы выбираться удавалось лишь изредка. Это 1990-е годы, всё время и силы уходили на работу. Где-то начиная с 2003 года всё вернулось, уже с новой техникой, с новым подходом.

Техника у Вас цифровая?

У меня остались несколько плёночных камер, одной я даже пользуюсь до сих пор. Это среднеформатная камера, произведённая где-то в начале XX века. Я её купил в комиссионке на Некрасова — раздолбанную совершенно. Сам починил, несколько деталей пришлось напильничком сделать. Камера работает. Но на плёнку очень редко снимаю, химическая обработка не для меня. С цифрой проще, всегда можно получить нужный результат.

Как у Вас родилась фотовыставка про Арктику?

Было и про Арктику, и про Антарктиду. С Антарктидой просто. Я всегда хотел туда попасть. Так получилось, что в юные годы всякие другие дела отвлекали. И нужна определённая решимость, чтобы всё бросить и уехать на полтора года на зимовку. Да и специальность у меня не та. В общем, не складывалось. Где-то в 2000-е годы один их моих давних друзей, будучи кандидатом наук, имея бизнес, всё оставил и отправился работать водителем в Антарктиду. Не в экспедицию, а на сезон, довести грузы с «Прогресса» до «Востока» и обратно. Съездил раз, съездил два, устроил протекцию мне.

Вы хотели поехать именно как фотограф?

Там своих фотографов хватает. Многие тащат туда с собой камеры. Я собирался пойти водителем, как самый простой вариант. Я заполнил кучу бумаг, прошёл почти всю медкомиссию. На последний этап оставил посещение хирурга, от которого никаких пакостей не ждал. А он возьми и скажи, что он меня туда не пустит.
Обоснование очень простое. Была полостная операция, шов остался. Если бы знал, что это будут отслеживать, сходил бы к косметологу, заполировал шов, никто бы ничего не увидел. В общем, меня туда не взяли. Оставалось поехать в Антарктиду за свои деньги.

Так можно?

Да, конечно. Туры антарктические доступны уже много лет. Раньше надо было добраться до Чили, нанять какой-нибудь местный кораблик. Это всегда было сложно. Сейчас это большие, шикарные, комфортабельные круизные лайнеры. У нас на борту путешествовали люди, которым за 80. Я не очень понимаю, зачем некоторые из них туда отправились, потому что часть людей с корабля вообще не сходила никогда. Они целыми днями и ночами пили шампанское.

«Однажды кит начал всплывать между парой близко стоящих лодок, но, видимо, лодки почувствовал, всплыл немного, появилась часть спины из воды, и он аккуратно спокойно погрузился вниз»

«Удивило меня почти полное отсутствие птиц в Антарктиде. Может, был не сезон — по тамошним мерка поздняя осень. Наверное, они улетели. Но зато количество пингвинов впечатлило»

В России есть прекрасное место — полуостров Рыбачий, тоже полторы тысячи километров ехать. Но ограничен по сезону. Там очень интересно. Это дикая, огромная территория. И почему-то нет хищных зверей. Из растительности только кустарники»

Продолжительность тура какая?
Две недели. Из них три дня уходит на дорогу туда и обратно, остальное перемещение в разных точках. Я думал, что мне это будет совсем тяжело, потому что там всё очень регламентировано. В день у нас была одна высадка на берег и одна прогулка на лодках. Но ничего, стерпелось.

Что больше всего поразило?
Там очень много всего интересного, разнообразная природа, очень богатый живностью океан. Видимо, много рыбы, хотя рыбу не видно. Огромное количество пингвинов, китов, морские леопарды. Снимать, конечно, там было тяжело — постоянно люди в кадре, нельзя заходить за оранжевые конусы, к пингвинам близко подходить нельзя, хотя они сами подходят.

А китов видели?
На расстоянии метров полутора от лодок они всплывали. Я не знаю, как у них со зрением, но какие-то органы у них всё-таки есть. Однажды кит начал всплывать между парой близко стоящих лодок, но, видимо, лодки почувствовал, всплыл немного, появилась часть спины из воды, и он аккуратно спокойно погрузился вниз. Мне даже удалось сделать несколько снимков.

Говорят, что они могут и корабль перевернуть?
Большой корабль нет, конечно, но наши лодочки могли полететь в разные стороны, если бы он махнул хвостиком.

И тем не менее Вы его ждали? Чувство азарта так велико?
Нет, мы не предполагали, что он так всплывёт. Один раз я видел, как ребята вышли на каяках. Я в это время был на палубе. И между двумя каяками появился довольно злой морской леопард. Это разновидность котика. Они похожи, только леопарды побольше. У него какое-то настроение было нехорошее. Каякеры, к счастью, были с инструктором, он их увёл в сторонку, ничего страшного не произошло. Но вообще леопарды довольно агрессивные морские животные.

Ещё каких животных доводилось встречать в Антарктиде?
Удивило меня почти полное отсутствие птиц в Антарктиде. Может, был не сезон — по тамошним мерка поздняя осень. Наверное, они улетели. Но зато количество пингвинов впечатлило. Нас на корабле сразу предупредили: «Ребята, когда будете возвращаться на борт, одежду, в которой ходили на землю, складывайте в полиэтиленовые пакетики, пакетик завязывайте». Пропустил мимо ушей. Когда вернулся домой в Петербург и открыл чемодан, я понял их предупреждение. Немедленно отнёс в стиральную машинку, пропахло всё. Там с корабля не позволяют сходить в своей обуви, только в сапогах. И по возвращении в специальной машине сапоги моются под жёстким контролем, чтобы на корабль ничего не заносить. Пингвиньим помётом вся прибрежная Антарктида покрыта.

Желание вернуться есть?
Обязательно.

«Я надеялся на своей предыдущей работе, что меня зашлют в командировку на Землю Франца-Иосифа. Но, к моему сожалению, у них ни разу ничего не сломалось»

Но не в составе тура?
Нет, конечно. Мне вообще нравится путешествовать в одиночку.
Очень много я наколесил по северной, заполярной Норвегии на машине. Это же близко совсем — от дома до берега океана на машине ехать сутки.
Поэтому много раз катался туда во все времена года.

Без ночёвки?
С ночёвкой где-нибудь в середине Финляндии. Спокойно остановиться, где-нибудь поспать, в гостинице или в машине. Это же недалеко, Алтай гораздо дальше. До Алтая ехать четыре дня.
В России есть прекрасное место — полуостров Рыбачий, тоже полторы тысячи километров ехать. Но ограничен по сезону. Там очень интересно. Это дикая, огромная территория. И почему-то нет хищных зверей. Из растительности только кустарники. Полуостров сейчас тоже потихонечку осваивают. Как Териберку. После того как там фильм сняли — «Левиафан», она пользуется большой популярностью у туристов.
Я был там когда-то в командировке — ещё до фильма, когда это была закрытая территория. И приехал в начале 2021 года. Всё стало совсем иным. В Териберке уже достаточно много отелей понастроено. А для меня места в них не нашлось. Лучшее, что я смог там обрести, это возможность поставить машину во дворе гостиницы. Зато хозяева мне предложили сервис в виде тёплого душа, ресторана и всего прочего. А ещё шикарную баню на берегу реки. И даже денег с меня брать отказались.

Получается, что большое количество людей приехало, раз всё было занято?
Люди со всей страны, причём некоторые из Центральной Сибири, с Чёрного моря на машинах преодолели этот путь. И там реально было не протолкнуться. Это при том, что зима и не самая лучшая погода. Правда, были шикарные полярные сияния.

А Вам что ближе, Север или Юг?
Если Крайний, то всё равно.
Крайний Север и Крайний Юг отличаются. На Севере океан, а на Юге горы и ледяные плато. Я, к сожалению, не был в более восточной части Антарктиды. Но она зрительно не так интересна. Что там? Шельфовые ледники, огромные ледовые пространства. Этого можно и в Ледовитом океане насмотреться, зимой там ровный лёд, если попадёшь в незаторошенную область.

Какое время года для Вас наиболее любимое?
Если говорить про наши нормальные широты, то, конечно, осень.

Осенью где лучше находиться?
На краю леса, тайги, лесотундры — там самые интересные места, где есть горы или хотя бы сопки, холмы и лес. Тот же Кольский, тот же Алтай — осенью безумная красота.

Мечта есть?
На Землю Франца-Иосифа попасть. Но это сложно по ряду причин. Там нет никакой логистики. Туда можно либо прилететь военным бортом, либо прийти на пароходике с волонтёрами, которых, например, Чилингаров собирает для очистки Арктики.
Странный наш персонаж, который всё-таки очень много делает для того, чтобы Арктику почистить. По всей нашей Арктике в советские времена военные оставили такую помойку. Огромное количество брошенного металла.

«Последний раз я был в горах в прошлом году — на Алтае. Там у меня друг есть. Он долгое время жил в разных городах в Сибири, а потом ему всё надоело, вернулся в родную деревню на Алтае, построил рядом что-то типа небольшой турбазы»

Я надеялся на своей предыдущей работе, что меня зашлют в командировку на Землю Франца-Иосифа. Но, к моему сожалению, у них ни разу ничего не сломалось. Поэтому с командировкой в те края не задалось. Земля Франца-Иосифа — это же самая северная точка России, по крайней мере, российской суши, это ближе всего к полюсу.

Николай Васильевич, на какую самую высокую вершину Вы поднимались?
Окрестности Эвереста, около 7000 метров. Это какая-то безымянная вершинка неподалёку от места, где обычно ставят базовый лагерь экспедиции. Там есть популярное место — Кала Паттар, куда ходят толпами. При хорошей акклиматизации не составляет труда за день сбегать от Горак-Шепа на Кала Паттар и обратно. Мы сходили немного выше, мне уже было за 50. Там всё просто, только высоко.

Сейчас ходите в горы?
Последний раз я был в горах в прошлом году — на Алтае. Там у меня друг есть. Он долгое время жил в разных городах в Сибири, а потом ему всё надоело, вернулся в родную деревню на Алтае, построил рядом что-то типа небольшой турбазы. И теперь к нему люди приезжают, он их куда-то водит. В основном это простые маршруты, типа покататься по Алтаю на лошадях. Сам иногда ходит, если что-то более серьёзное.

Николай Васильевич, и последний вопрос: до какого возраста можно ходить в горы?
Известный альпинист Виталий Михайлович Абалаков ходил очень много лет. Я его в последний раз видел в 1985 году в Яремче (Карпаты). А он 1905 года рождения. Тот же Боривой Рудольфович Маречек очень долго ходил в горы, он 1917 года рождения. Многие в какой-то момент понимают, что, наверное, хватит. Но совсем горы не бросают. На машине приезжают, на самолёте прилетают, чтобы просто посмотреть на эту красоту, вдохнуть необычайно вкусный горный воздух, услышать шум горных речек.

Беседовала Ирина Малёнкина
Фото из архива Николая Малых